

Б Е З В Ъ Р I Е.

О вы, копорые съ язвищельнымъ упрёкомъ
Счиная мрачное безвѣріе порокомъ,
Бѣжите съ ужасомъ того, кто съ первыхъ лѣтъ
Безумно погасиль отрадный сердцу свѣтъ,
Котораго вся жизнь еспь мракъ и изспупленье:
Восплачъте вы о немъ, имѣйте сожалѣнье! —
Взглянише на него! не памъ, гдѣ каждый день
Тщеславіе на всѣхъ наводитъ ложну тѣнь:
Но въ пишинѣ семьи, подъ кровлею родною,
Въ бесѣдѣ съ дружествомъ, иль съ племеною мечтою
Взглянише! бродитъ онъ съ увядшею душой,
Своей ужасною томимый пустопой.
То горьки слезы льетъ: то — рабъ спраспей,

волненья —

Напрасно ищетъ онъ унынью развлеченья.
Напрасно, въ пышности свободной проспопы,
Природы передъ нимъ открыты красопы:
Напрасно вокругъ себя печальный взоръ онъ
водитъ:

Умъ ищетъ божества, а сердце не находить. —
Настигнепъ ли его глухихъ судебъ ударъ:
Опьянелся ли вдругъ минутный счастья даръ:
Въ любви ли, дружествѣль, обниметъ онъ измѣну
И невозвратную онъ имъ узнаетъ цѣну:

Лишенный всѣхъ опоръ , оппадшій вѣры сынъ ,
Ужь видитъ съ трепетомъ , что въ мірѣ онъ
одинъ ;

И мощная рука къ нему съ дарами мира
Не прощирается изъ за предѣловъ міра . —
Несчастные спрастей и немощей сыны ,
Мы всѣ на страшной гробъ родясь осуждены ;
Всечасно бренныхъ узъ готово разрушене ;
Нашъ вѣкъ , невѣрный день : смерть , быстрое
запмѣнѣе . —

Когда холодна тьма объемлетъ грозно нась ,
Завѣсу вѣчности колеблешъ смертный часъ :
Ужасно чувствоватъ слезы послѣдней муку
И съ міромъ начинать безвѣстную разлуку !
Тогда , бесѣдуя съ оставленной душой ,
О вѣра ! ты споишь у двери гробовой ;
Ты ночь могильную ей тихо освѣщаешь ,
И ободренную съ надеждой опускаешь . —
Но , други , пережипь ужаснѣе друзей ! . . .
Лишь вѣра въ пишинѣ , опрадою своеи ,
Живитъ унылый духъ и сердца ожиданье ;
„Наспанепь — говоритъ — назначено свиданье“
А онъ , слѣпый мудрецъ ! у гроба спонепь онъ .
Съ усладой бытія несчастный разлученъ ,
Надежды тихаго не внимаетъ онъ привѣта :
Подходишъ къ гробу онъ , взываетъ . . . нѣть
отвѣта !

Видали-ль вы его въ безмолвныхъ шѣхъ мѣстахъ ,

Гдѣ кровныхъ и друзей священный тлѣшъ
прахъ?.. .

Видали-ль вы его надъ хладною могилой,
Гдѣ Деліи его шаится пепель милой?
Къ почившимъ позванный вечерней шишкой,
Къ кресту прикинуль онъ безчувственной
главой ;

Одинъ, съ отчаяньемъ, въ слезахъ ожесточенья,
Въ молчаньи ужаса, въ безумствѣ изступленья,
Дрожишь! — И между тѣмъ, подъ сѣнью тем-
ныхъ ивъ ,

У гроба матери колѣна преклонивъ ,
Тамъ дѣва юная въ печали безмятежной
Возводишь къ небу взоръ болѣзненой и нѣжной.
Одна , шуманною луной озарена ,
Какъ ангелъ гореспи являемся она ;
Вздыхаешь медленно , могилу обнимаешь :
Все тихо; но она — какъ кажется — внимаетъ.
Несчастный на нее въ безмолвствѣ глядишь ,
Поникнуль головой , препещешь и бѣжишь ;
Спѣшишь онъ далѣе , но въ слѣдъ унынья бро-
дитъ. —

Во храмъ Всевышняго съ полпой онъ молча
входишь ;

Тамъ умножаешь лишь троску души своей:
При древнемъ торжествѣ священныхъ олтарей,
При гласѣ паспыря, при сладкомъ хоровъ пѣнѣ
Тревожишься его безвѣрное мученье.
Онъ Бога тайного нигдѣ , нигдѣ не зришь;

Съ иомеркшею душей святынѣ предстоитъ;
 Холодный ко всему и чуждый умиленью,
 Съ досадой пихому внимаетъ онъ моленю.
 „Счастливецъ! — мыслишь онъ — почто не
 можна мнѣ,
 „Спрастай бунтующихъ въ смиренной пишинѣ,
 „Забывъ о разумѣ и немощномъ и спротомъ,
 „Съ одной лишь вѣрою повергнувшись предъ
 Богомъ?“

Напрасный сердца крикъ! нѣшь, нѣшь! не суждено
 Ему сей тайны знать: безвѣrie одно,
 По жизненной спезѣ во мракѣ вождь унылый,
 Несчастного влечеши до вѣчныхъ вратъ могилы!

Александръ Пушкинъ.

